

УДК 141.319.8+304.4(470+571)
ББК 87.3(4Гем)5-535.1 + 71.41(2Рос)
DOI 10.25281/2072-3156-2024-21-6-564-574

О.Н. АСТАФЬЕВА, И.В. МАЛЫГИНА

РЕЦЕПЦИИ ИДЕЙ ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ И. КАНТА В КОНТЕКСТЕ ДИСКУРСА ГОСУДАРСТВЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

Ольга Николаевна Астафьева,

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Институт государственной службы и управления,
научно-образовательный центр
«Гражданское общество
и социальные коммуникации»,
директор
кафедра ЮНЕСКО,
профессор
Вернадского просп., д. 82, стр. 1,
Москва, 119571, Россия

доктор философских наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы
Российской Федерации,
лауреат премии Правительства Российской Федерации
в области культуры
ORCID 0000-0001-8727-6322;
SPIN 2917-4546
astafeva-on@ranepa.ru

Ирина Викторовна Малыгина,

Московский государственный лингвистический
университет,
Институт гуманитарных и прикладных наук,
кафедра мировой культуры,
заведующая
Остоженка ул., д. 38, стр. 1, Москва, 119034, Россия
доктор философских наук, профессор
ORCID 0000-0002-2145-7953;
SPIN 1436-0659
world-culture@linguanet.ru

Реферат. В год 300-летия со дня рождения И. Канта
авторы статьи обращаются к некоторым базовым
положениям философской антропологии немецкого
мыслителя. Это связано с социальным запросом на
выработку непротиворечивой государственной куль-
турной политики в России, ориентированной, с одной
стороны, на создание условий для самоопределения
индивида, реализации его творческой свободы, с друг-

гой – на укрепление социальной солидарности и актуализацию консолидирующего потенциала культурного ядра российской культуры. Анализируется с точки зрения современной культурной ситуации идея человека как отправной и конечной «точки» целеполагания индивидуального и социального действия; актуализируется трактовка свободы и ее границ, социальной природы «Я-концепции» И. Канта. Изучая возможности адаптации кантовского метода и его антропологических установок к современному дискурсу государственной культурной политики, авторы акцентируют внимание на понятийной строгости его философии. Терминологическая определенность является важной задачей не только научного дискурса, она не менее важна при разработке официальных государственных документов. Изменения, происходящие в современной культуре, требуют «настройки» понятийного инструментария и создания объяснятельных моделей, адекватных наблюдаемым культурным изменениям. Прагматический смысл уточнения научной терминологии на уровне официального дискурса государственной культурной политики заключается, в частности, в возможности учесть и дифференцировать два важных вектора самоопределения и самореализации человека в современной культуре. С одной стороны, это процесс формирования общегражданской идентичности, основанной на конвенциональных культурных ценностях, с другой – постоянно умножающиеся практики самопрезентации индивида, различные формы симуляции идентичности, ее имитации и мистификации.

Ключевые слова: И. Кант, философская антропология, культура, культурная политика, философия культуры, идентичность, свобода, ответственность, ценность, творчество.

Для цитирования: Астафьев О.Н., Малыгина И.В. Рецепции идей философской антропологии И. Канта в контексте дискурса государственной культурной политики России // Обсерватория культуры. 2024. Т. 21, № 6. С. 564–574. DOI: 10.25281/2072-3156-2024-21-6-564-574.

СОЦИАЛЬНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЕКЦИИ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ В ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Знаковое событие 2024 г. в России – 300-летие со дня рождения И. Канта отмечено новым витком интереса как к наследию основоположника немецкой классической философии, так

и к эвристическим возможностям классической философии в постнеклассическом интеллектуальном пространстве. Оно нередко выражается современными авторами в терминах кризиса и несвоевременности философии [1], в метафорах ее «осени» [2], «сумерек», «окукивания» и даже «смерти» [3]. При этом ученые самым тесным образом увязывают это состояние философии с изменениями, происходящими в культуре, трактуя ее как «всеобщий универсум человеческих практик и мышления», а философию – как «сферу культуры» [3, с. 71], что в целом было свойственно уже неклассической философии и созвучно, например, тезису Э. Гуссерля о том, что «философия – это название особого класса культурных образований» [4, с. 304].

Этот подход получил свое развитие и дополнительное обоснование в современной философии культуры. По мнению А.А. Пелипенко, следует признать завершение «имманентного этапа» развития философии [3]. Современные философские дискурсы всегда культурообусловлены, и эта социокультурная детерминированность сводит к нулю поиск каких-либо отвлеченных универсалий и свидетельствует о «конце» философии, ибо постмодернизм как наиболее адекватная и «честная» объясняющая модель современной культуры, которую А.А. Пелипенко описывает с помощью метафоры «веселой чечетки на гробах отцов метафизики», лишен метафизической перспективы, без которой «философия уже не философия» [3, с. 73].

Между тем даже такие бескомпромиссные прогнозы не подразумевают полного сворачивания философской методологии. Более того, сомнение в незыблемости философии означает первый шаг к поискам новых объяснений и интерпретаций, поэтому речь идет скорее об изменении статуса философии и ее функций. В современной культуре философия оказывается перед необходимостью решения сохраняющих свою значимость задач по обеспечению «дисциплины ума, его собирания» и, насколько это возможно, «холистического восприятия реальности» [3, с. 75].

Одновременно фокус внимания философии концентрируется на рефлексивно-критическом мировосприятии и смещается от теоретических абстракций в сторону актуальных социальных проблем. Если сегодня и следует ожидать сколько-нибудь прорывных и резонансных философских открытий, то, как полагают некоторые российские исследователи, в связи с наиболее острыми вопросами современной повестки, такими как международный терроризм, последствия мирового миграционного кризиса, межэтнические конфликты, перспективы национально-государственных образований, деструктивные формы социальной активности [2, с. 97–98]. Очевидно, что перечень этих вопросов носит открытый характер и чувствителен к социо-

культурным изменениям как на глобальном, так и на локальном уровне.

При этом можно заметить, что проблема человека, вопросы его самочувствия и самоопределения внутри этих процессов носят «факультативный» характер, что косвенно свидетельствует о продолжении инерционного вытеснения человекоориентированных идеалов и ценностей geopolитическими, экономическими, техноцентрическими, информационными и иными актуальными трендами исторической и социальной динамики. Как результат, состояние постнеклассической культуры рефлексируется и артикулируется в терминах системного антропологического кризиса и даже «антропологической катастрофы» [5, с. 104]. В связи с этим представляется обоснованным обращение к философской антропологии И. Канта, где культура, с одной стороны, трактуется через свободу человека и ее социальное измерение, а с другой — предстает как показатель морального развития и совершенствования личности.

ГУМАНИТАРНЫЕ ДИСКУРСЫ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В СВЕТЕ КАНТОВСКИХ ИДЕЙ

IIIирота и влияние философского наследия И. Канта столь значительны, что и спустя 300 лет со дня рождения родоначальника немецкой классической философии его идеи служат точкой опоры при решении как метафизических вопросов, так и вполне прагматических задач согласованного функционирования и развития общества.

В настоящей статье внимание к философии Канта обусловлено поиском возможностей реализации социального запроса, содержащего в себе внутреннее противоречие: с одной стороны, на актуализацию человекосоразмерного подхода к управлению социокультурными процессами, с другой — на поиск объединительной идеи и социальную консолидацию. Отметим, что в государственной риторике современной России находит отражение стремление к преодолению указанного противоречия, проявляющееся в согласовании задач укрепления человеческого капитала, в том числе символического, и эффективного научно-технологического и экономического развития страны; в реализации «антропоцентрического поворота» в модернизационных процессах и вместе с тем в акцентуации конвенционального потенциала традиционных ценностей российской культуры.

Так, в документах последнего десятилетия концептуализация этого вектора государственной куль-

турной политики происходит через гармонизацию идей о важности свободного творческого самовыражения и индивидуальной самореализации личности и ее самоидентификации как члена общества, наделенного коллективной идентичностью. Проявление этой тенденции зафиксировано в концентрации внимания на создании условий развития человека в культуре и его личностного становления, основу которых должны составлять традиционные ценности и потребность людей в существовании на принципах уважения, диалога, согласия [6]. Усилия государства приобретают особое значение на современном этапе развития российского общества, отличающемся ростом социокультурного разнообразия, высоким уровнем индивидуализации личности, ее последовательным самодистанцированием от «своих» культурных сообществ с устойчивым ценностно-смысловым ядром и, как результат, значительным расширением форм самоопределения. При этом базовые формы коллективной идентичности (национальная, этническая, конфессиональная) нередко уступают место иным формам социальной консолидации, основанным на ситуативных целях и интересах человека [7, с. 51].

Поэтому представляется важным, что в определении приоритетов и целей социокультурного развития в официальных государственных документах, с одной стороны, «считываются» те прагматические постулаты философской антропологии Канта, которыми наполняется центральный конструкт человека как цели, но не средства, поскольку «он для себя своя последняя цель» [8, с. 351]; с другой стороны, очевидна трактовка культуры, предполагающая неотъемлемыми ее характеристиками воспитание, ответственность, нравственность, разум, душу и т. д. Развитие этих кантовских идей, по-разному получивших продолжение в философско-культурологических трудах многих исследователей XX в., приобретает особую актуальность в современную эпоху. Их закрепление, в том числе в качестве основных целей культурной политики, акцентирует внимание на создании условий для воспитания не только гармонично развитой, но прежде всего «социально ответственной личности; сохранении исторического и культурного наследия и его использовании для воспитания и образования; передаче от поколения к поколению традиционных для российской цивилизации ценностей и норм, традиций, обычаев и образцов поведения; создании условий для реализации каждым человеком его творческого потенциала» [9].

Очевидно, что полноценная реализация личности предполагает наличие, с одной стороны, сколько-нибудь сформированного критического мышления и творческих интенций, с другой — мотивации к освоению норм социального порядка, а также формирование устойчивых оснований идентичности, в том числе в ее коллективных формах.

Иными словами, процесс «реабилитации» человекаориентированного подхода в государственных документах современной России осуществляется через достижение непротиворечивости индивидуальных и общественных (государственных) интересов, выработку принципов согласования свободы и ответственности различных субъектов современной российской культуры. Понимание сложности подобной диалектики побуждает искать аналогии в интеллектуальном опыте человечества.

В этом смысле философское учение Канта — не просто его неотъемлемая часть: представления основоположника немецкой классической философии о самоценности человека при неотвратимости всеобщего нравственного закона, о сложном, но достижимом единстве морального существования и личной свободы, о природе и границах творчестваочно закрепились и в архетипических формулах коллективного бессознательного. В современной культуре, во многом регулируемой императивами потребления и постмодернистского релятивизма, запрос на актуализацию этих идей философа объективируется не только в протестных реакциях российского общества на некоторые проявления так называемой новой этики, художественного экспериментирования, форм самовыражения и самопрезентации отдельных субъектов или социальных групп и другие косвенные признаки культурной аномии и социальных деструкций. Также он учитывается в концептуальных положениях официальных документов, важных для выработки консолидированного понимания российским обществом его культурного единства и общей исторической судьбы, непрекращающего конвенционального значения культурного ядра и ценностно-смыслового каркаса отечественной культуры. Эти документы одновременно закладывают основания для реализации свободы и саморазвития человека, способного силой категорического императива, «автономной добной воли» нивелировать издержки утилитаризма и потребительства, эгоизма и принуждения как признаков «нормальной аномии» общества с его совокупностью рисков и уязвимостей в виде разрывов преемственности нравственных ориентаций [10, с. 80–86].

При этом обращение к философии Канта в связи с размышлениями о принципах управления социокультурными процессами в современной России не предполагает перетолкования кантовского критического метода, теоретических положений и практических постулатов. Для авторов статьи представляется интерес вопрос о возможности актуализации и практического воплощения отдельных кантовских положений и установок применительно к нынешнему этапу цивилизационных изменений и конкретной социокультурной ситуации; о важности формирования непротиворечивого социально- и человекоориентированного дискурса государственной

культурной политики, целью которой провозглашена личность, «характеризующаяся интенсивным развитием всех существенных сил человека в их разнообразии и единстве» [11, с. 296]. Намечен переход к принципам когерентности, открытости, реального равноправия в коммуникативных сообществах [12] и вместе с тем к позиционированию в качестве цепеполагания формирования «общегражданской идентичности и укрепления общности Русского мира на основе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей» [13]. Эти положения созвучны кантовскому пониманию человека как творческого субъекта, открытого к познанию и активному преобразованию мира, способного к саморефлексии, самоопределению и саморазвитию. Культура, по Канту, проявляется в том числе «в общественной ценности человека» [14, с. 11], которая недостижима вне свободы, а социальные действия и поступки человека должны определяться моралью, иметь нравственное измерение [15, с. 464–465]. В этой связи обращает на себя внимание закрепление в официальном дискурсе государства положений, в которых акцентируется значение воспитания личности, осознающей важность сохранения исторической памяти и культурной самобытности России, социальной консолидации и гражданского единства [13], без чего невозможно формирование позитивной идентичности всего российского общества и отдельного человека.

ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИДЕЙ И. КАНТА В РАЗВИТИИ КОНЦЕПЦИИ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Тема российской идентичности, ее культурных оснований, рисков деформации и механизмов укрепления также занимает центральное место в официальных документах и позиционируется в числе важнейших целей и ожидаемых результатов реализации государственной культурной политики.

Их реализация требует учитывать особую культурную ситуацию, в которой происходит процесс самоопределения человека. В качестве очевидных признаков этой ситуации, формулируемой в таких терминах, как «актуальная современность» и «фиджитал-реальность», можно назвать инерционное воспроизведение постмодернистских интенций ризомности, деконструкции и игры, стимулирующих почти неконтролируемый рост идентификационных стратегий индивида и усложняющих реализацию одной из базовых антропологических потребностей — в укорененности, «люб-

ви и принадлежности» [16, с. 65–67]. Не случайно одним из наиболее востребованных в современном научном и публицистическом дискурсах стал концепт «этнокультурная идентичность» и рядо-положенные понятийно-смысловые конструкты: культурная, этническая, национальная, цивилиза-ционная идентичность.

Широкое использование понятийного аппарата, относящегося к современным концепциям идентичности, стимулировало появление проблемы методологического характера, связанной с многозначностью смысловых и контекстуальных интерпретаций феномена идентичности. Это обстоятельство важно учитывать при разработке официальных документов, с одной стороны, гарантирующих всемерное развитие личности, а с другой — закладывающих механизмы самоограничения индивидуальной свободы, проявляющейся в том числе в многообразных формах самоопределения и самопрезентации человека в современной культуре.

При том что широкий социальный запрос на научные исследования идентичности был сформирован только в 1970-е гг., в латентном виде проблема идентичности присутствовала в философском дискурсе начиная с Античности, и ее осмысление происходило в двух основных аспектах: как универсалии бытия (онтологического тождества макрокосма и микрокосма, мира эйдосов и материального мира, творца и творения и т. д.) и как модальности когнитивно-психологической структуры человека — «я-концепции».

Важная роль в выявлении и осмыслении универсальных характеристик индивидуального «я» принадлежит немецкой классической философии, прежде всего Канту, который дал ответ на вопрос (поставленный, в частности, философами-сенсуалистами) о возможности сохранения человеком своей целостности и идентичности при всех осознаваемых им собственных изменениях: «Человек может сознавать эти изменения только потому, что в различных состояниях он представляет себя как один и тот же субъект» [8, с. 365].

Современные культура и общество предлагают человеку множество оснований личностного самоопределения — от возраста, профессии, религии до субкультурных, статусных, имущественных и иных характеристик, различных форм «культуры соучастия». И только наличие самосознания, важнейшего преимущества человека, по мнению Канта, позволяет ему сохранить целостность самовосприятия: «То обстоятельство, что человек может обладать представлением о своем Я, бесконечно возвышает его над всеми другими существами, живущими на земле. Благодаря этому он личность, и в силу единства сознания при всех изменениях, которые он может претерпевать, он одна и та же личность...» [8, с. 357]. Этот тезис дает основания для критического

переосмысления дискурса множественной, мозаичной и флюктуирующей идентичности современного человека, живущего «на границах» различных реальных и виртуальных миров.

Не менее важным представляется замечание философа о том, что самосознание является необходимой предпосылкой моральной ответственности. С его помощью Кант переводит проблему самосознания личности из индивидуально-рефлексивной плоскости в культурно-коммуникативную, поскольку феномен моральной ответственности предполагает присутствие в сознании индивида наряду с образом своего «эмпирического я» образа другого человека. При этом совершенно не важно, является ли он реальным или воображаемым: «Это другое лицо может быть действительным или чисто идеальным лицом, которое разум создает для самого себя» [17, с. 377]. Именно в теории Канта «я-концепция» впервые приобрела не только аксиологическую окраску, но и социальную природу (в отличие, например, от картезианской «автономности» самопознания). Кант, таким образом, акцентирует тот факт, что индивид никогда не остается в рамках своей единичности, сознательно или неосознанно он соотносит свое существование с внешними референтами и, что не менее важно, с некоторым абсолютным законом, лежащим вне его (в философии Канта это, как известно, нравственный закон).

Можно заметить, что данные установки философа достаточно сохранны с точки зрения сегодняшнего понимания сложной природы идентичности, ее обусловленности неотчуждаемой психологической потребностью человека в укоренности, принадлежности и любви. Эта потребность реализуется в процессе социального взаимодействия в символическом пространстве определенной культуры, наполненном конвенциональными ценностями и смыслами, однаково важными как для внутренней консолидации общества, так и для внешней манифестиации его отличий, результатом которых становится особая модальность индивидуального и общественного сознания, выражаемая в противопоставления «мы — они», «свои — чужие».

Выделенные нами ранее уровни (векторы) культурной политики в современной России в большей или меньшей степени ориентированы на диалог и социальную консолидацию общества, созвучны ценностному измерению происходящих изменений. Фактически можно говорить о трех моделях культурной политики — охранительно-конвенциональной, модернизационно-мобилизационной и интегративно-коммуникативной, которые сосуществуют в едином социокультурном пространстве. В каждой из них иерархия ценностных приоритетов (индивидуальных и общественных) выстраивается исходя из целевых установок социума, в том числе понимания национальной самобытности, коллективной

идентичности, значения традиций и инноваций, культурной памяти, социальной солидарности [18].

Заметим, что в максимальной степени потребность в идентичности достигается в пространстве этнокультурной общности в силу ее исторической устойчивости.

Результаты междисциплинарных исследований дали основания выявить сущность феномена этнокультурной идентичности через онтологическое единство и принципиальную нерасчлененность рациональных, эмоционально-чувственных и поведенческих компонентов:

- ◆ осознания принадлежности человека определенному культурному сообществу на основе разделяемой культуры;
- ◆ глубинного эмоционального (почти на сакральном уровне) переживание этого единства;
- ◆ исторически и культурно обусловленных практик его презентации [19, с. 174].

В случае с этнокультурной идентичностью речь идет о такой форме единства, которая формируется на основе этнической или национальной культуры. Поскольку мы разделяем подход, основанный на историчности этнического феномена, в рамках которого этнос и нация рассматриваются как последовательные стадии этногенеза, связанные общим культурным ядром, то считаем возможным объединить их «зонтичным» понятием «этнокультурная общность», а для определения соответствующей формы коллективной и индивидуальной субъектности в качестве наиболее адекватного и отчасти компромиссного используем понятие «этнокультурная идентичность».

Постоянно нарастающее социальное и субкультурное разнообразие, индивидуализация и эманципация человека от этнокультурных общностей с их устойчивым культурным ядром и плотными ценностно-смысловыми границами, пластичность и подвижность нормативных границ (например, гендерных), распространение массовой культуры, цифровая революция предоставили человеку бесконечное число возможностей участия в реальных или виртуальных сообществах и группах, масштабы и скорость распространения которых можно оценивать в терминах «дурной бесконечности». Дробящие целостность этнокультурного пространства, данные процессы, нередко сопровождаемые формированием квазиидентичностей, умножением образов «другого» и «чужого», стимулируют социальную дифференциацию, установление новых критерии и границ социальной стратификации.

При этом ситуативно возникающие и еще более стремительно распадающиеся сообщества не успевают вызвать ни глубокой рефлексии индивида, ни сколько-нибудь устойчивого эмпатического (тем более сакрального) переживания по поводу принадлежности к ним. Бесконечно дрейфующий по поверхности множества смысловых структур,

«проваливаясь» в пространство Всемирной паутины и несчетного числа интернет-сообществ, скрываясь за аватарами, масками и вымышленными именами, субъект современной культуры не достигает во-жделенной «корененности», находится в постоянном процессе поиска «себя», подменяет подлинную идентичность ее симулярами и мистификациями.

Стремление осмыслить и артикулировать данные процессы привело к ситуации ползучей семантической трансформации концепта «идентичность» в современном научном и публицистическом дискурсе. Его смысловое пространство расширяется и редуцируется в зависимости от конкретного объекта исследовательского наблюдения и интерпретации. Данный методологический казус, как мы полагаем, является частным случаем наметившейся тенденции к появлению «облачных» концептов (по аналогии с виртуальными хранилищами данных), которые содержат в «свернутом виде» набор более или менее взаимосвязанных «кейсов», каждый из которых может быть распакован, использован фрагментарно и прецедентно с учетом задач или возможностей исследователя. Заметим, что в случае с концептом «идентичность» крайне нежелателен его дрейф в сторону «облачности», поскольку изъятие из анализа данного феномена хотя бы одного из его структурных компонентов (самосознания, сакрального переживания или сколько-нибудь отчетливой манифестации) переводит дискурс в плоскость практик самопрезентации, возможно не лишенных креативного потенциала и дающих ощущение свободного выбора, но не равных идентичности [7]. Данные практики, безусловно, требуют серьезного осмысливания и учета при разработке и реализации государственной культурной политики, тем не менее мы полагаем, что их интерпретация и артикуляция в терминах идентичности являются некорректными.

В этой связи вспомним категорический императив И. Канта, сама возможность реализации которого не единожды подвергалась критике именно по причине его избыточной «категоричности»: философ признавал моральными исключительно те поступки, мотивация которых основана на исполнении морального долга [17, с. 128]. Однако великое значение этой идеи Канта видится именно в установлении четких смысловых границ понятия: моральный поступок в его понимании предполагает исполнение морального долга ради самого долга. Поступки с иной мотивацией, как бы хороши они ни были, можно назвать как угодно (у Канта, как мы помним, это поступки «легальные»), но это уже будет нечто иное, чем мораль.

Точно так же важно, на наш взгляд, дифференцировать на понятийно-смысловом уровне феномен идентичности в его онтологической определенности и структурной целостности, о которой мы говорили выше, и многочисленные практики «сублимации» идентификационных процессов, ситуативные манифестации, симулякры и маски.

Такая строгость понятийного мышления необходима не только современной философии и, шире, социально-гуманитарному знанию как одна из возможностей избежать той самой постмодернистской «чететки» и манипулирования терминами в процессе осмыслиения и описания турбулентных потоков постнеклассической реальности. Она является не менее важным условием научно обоснованного планирования и непротиворечивой реализации государственной политики, ориентированной, с одной стороны, на обеспечение максимально возможных условий самореализации индивида, его творческой свободы, с другой — на укрепление социального согласия и актуализацию консолидирующего потенциала ценностей и смыслов российской культуры, традиционных культур всех ее народов.

ВКЛЮЧЕНИЕ ИДЕЙ И. КАНТА О ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЯХ ЧЕЛОВЕКА И О ИСКУССТВЕ В КОНЦЕПЦИЮ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

Интерпретацию идей Канта продолжим с выделения ряда формализованных эстетических и этических суждений, позволяющих нам показать, как меняется восприятие его текстов, и акцентировать внимание на трех аспектах в исследовании ценностно-смысовых оснований современной культурной политики. Это интересная исследовательская задача на перспективу предполагает развертывание обозначенных векторов для изучения коммуникативного процесса постижения смыслов современной культуры и понимания тенденций современной художественной сферы, раскрываемых несколькими путями.

Во-первых, это происходит через представления Канта о системе различий посредством сравнительного дискурса искусства с природой, наукой, ремеслом, утверждающего идеи о разграничении искусства и не-искусства в «Критике способности суждения» [15]. Эти мысли философа приобретают все большую актуальность при исследовании сущности социокультурных изменений. Референции массовой культуры и очевидные взаимовлияния индустрии развлечений и искусства при сопоставлении с кантовскими идеями о связи прекрасного с чувственной целесообразностью в условиях подвижности смыслов и форм рассматриваются как необходимость пересмотра специфики всех видов искусства, «трансграничья» [20, с. 133–154].

Во-вторых, посредством конкретизации рассуждений Канта о свободе творчества, значимых вне их исторического контекста и независимо от иных способов концептуализации идей в разные периоды социокультурного развития. Как известно, трансформировалось и понимание сути творчества, а креативность как способность личности продуцировать уникальное и неповторимое переместилась из периферийной области в эпицентр гуманитарного знания. Актуализировались представления об изменении статуса искусства в культуре, о «языке искусства» как условии и непрерывности становления смысла в процессе созидания образа, а также творческой свободы художника, технологизации искусства. Например, рассматривая киноискусство в контексте теоретических размышлений Канта, исследователи акцентируют внимание на вопросах «о сделанности» произведения, его бесконечном повторении и воспроизведении «кинематографического присутствия», об избытке как о непредставленном в произведении и о технике представления как форме свободы [21, с. 152–153]. «Сообщаемость удовольствий», «сделанность вне производства» благодаря творческим способностям человека проявляются в сущности искусства, в отличие от ремесла, «первое называется свободным, а второе можно также назвать искусством для заработка» [15, с. 319]. Говоря о свободном искусстве и о результатах творческой деятельности, Кант показывает, что красота существует вне практического назначения, в синтезе разных форм созерцания рассудка и разума, эстетического и нравственного отношения человека к миру, реализуя взаимодействие реальности и творческой активности.

В-третьих, методом интерпретации идеи взаимосвязи свободы и игры в творчестве, образовании, науке, политике, включенной в объяснительную модель зрелищно-развлекательной тенденции и в развитие медиакультуры как индустрии смыслов. Современные исследователи, беря за основу идеи Канта, понимают под зрелищно-развлекательной культурой «не только художественные формы, но и широкий круг игровых проявлений человека» [22, с. 338], расширяющих сферы творчества, коммуникации, потребностей в прекрасном, в удовольствии. Познавательные способности человека, по Канту, раскрываются через воображение, посредством их свободной игры, что рождает субъективность и индивидуальность в восприятии вещей. И эта свободная игра воображения противопоставляется Канта полной целесообразности и упорядоченности, поскольку «вкус доводит свободу воображения едва ли не до гротеска, но в этот отказ от всякого принуждения правил полагают возможность того, что вкус достигнет в игре воображения своего высшего совершенства» [15, с. 260]. В свою очередь, игра остается занятием самим по себе приятным, даже в тех случаях, когда искусство становится платной услугой — ремеслом, а не искусством [15, с. 283].

Введение в концепцию культурной политики объектов долженствования, общих принципов и конкретных норм нравственности, в целом — идеей внутреннего совершенства и творческого саморазвития человека, расширяющих кантовское понимание культуры как цивилизованности [14, с. 17], создает ценностные и императивно-оценочные основания для выбора стратегии преодоления антропологического кризиса.

СОГЛАСОВАНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ СВОБОДЫ И СОЦИАЛЬНОГО ЕДИНСТВА

За рамками дискурса государственной культурной политики, представленного официальными документами, подчас остается то, что философами культуры осмысливается через систему ценностного самополагания и артикулируется как достижение человеком внутреннего совершенства как высшей цели. Между тем, если следовать кантовским ориентирам, это предполагает способность и умение человека распоряжаться «применением всех своих способностей, дабы подчинить их своему свободному произволу», а также «обязательность господства рассудка, не ослабляющего чувственность» [8, с. 164]. Совершенство, полагал Кант, основывается на материале чувственности, который «можно было бы обработать для применения законодательствующего рассудка» [8, с. 164]. Позволим себе остановиться пока на одном этом замечании, поскольку вслед за современным кантоведением мы могли бы продолжить интерпретацию идей философа и в направлении осмыслиения ресурсов творческого (к创ативного) начала в человеке, и в ином направлении — предложить включить в концептуальное обоснование стратегий культурной политики положение о следовании требованиям категорического императива: сообразовывать внешнее поведение с условием равенства в свободе, о воспитании умения «господствовать над собой» и т. д. В контексте социокультурных изменений и цивилизационных вызовов эти аспекты заслуживают специального изучения на пути продвижения к человекоизмерной культурной политике, идентифицируемой через аксиологический фактор и представленной в ее сложной соотнесенности с социальным единством, при повороте от унификации развития — к обоснованию высших национальных интересов во внешней политике, от деклараций и призывов к честности и морали во внутренней политике — к культивированию гражданского ответственного субъекта [23, с. 94–95]. Фактор согласования моральных принципов и традиционных духовно-нравственных ценностных ориентиров в развитии личности, которые формируют гражданское самосознание, патриотизм, гражданскую

ответственность, в законодательных актах последних лет занимает одно из первых мест и предполагает длительный процесс включения этих ценностей в социокультурные практики повседневности [24].

Однако разработка антропологически целостной концепции как ценностно-смысовой основы культурной политики еще не завершена. Это связывается нами, с одной стороны, с переосмысливанием человека как открытой антропоцелостности и неисчерпаемости, с признанием его вовлеченности в культурно-цивилизационный кризис, полный угроз его прокреативному самовоспроизведению, с формированием квазиидентичностей в техносфере, виртуальном и реальном мире [25, с. 19]; с другой стороны, с нарастающим запросом общества на выход из ситуации постмодернистского релятивизма и мультипарадигмальности, поиском оснований социальной консолидации и единства. Изменения, происходящие в современной культуре, требуют «настройки» понятийного инструментария, обновления исследовательской оптики и создания объяснятельных моделей, адекватных наблюдаемым культурным сдвигам, а значит, идеи И. Канта как этический ответ на вызовы времени в обозримой перспективе не утратят своей актуальности.

Список источников

1. Несвоевременность философии? : материалы Межрегионального круглого стола в рамках Года культуры в Российской Федерации (Москва, 28 марта 2014 г.) / науч. ред. И.В. Малыгина. Москва : Московский государственный институт культуры, 2015. 152 с.
2. Розов Н.С. «Осень» и будущая «весна» эпистемологии: перспективы номологического синтеза в социальных науках // Эпистемология и философия науки. 2007. Т. 12, № 2. С. 91–106.
3. Пелипенко А.А. Встречая сумерки философии // Несвоевременность философии? : материалы Межрегионального круглого стола в рамках Года культуры в Российской Федерации (Москва, 28 марта 2014 г.) / науч. ред. И.В. Малыгина. Москва : Московский государственный институт культуры, 2015. С. 70–74.
4. Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия // Культурология. XX век : антология / гл. ред. и сост. С.Я. Левит. Москва : Юрист, 1995. С. 297–330.
5. Мамардашвили М.К. Сознание и цивилизация. Санкт-Петербург : Азбука-Аттикус, 2011. 288 с.
6. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 46, ст. 7977.
7. Малыгина И.В. Феномен идентичности в контексте историко-культурной динамики // Международный журнал исследований культуры. 2023. № 2 (51). С. 44–55. DOI: 10.52173/2079-1100_2023_2_44.

8. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Сочинения в 6 т. Москва : Мысль, 1966. Т. 6. С. 349–587.
9. Об утверждении Основ государственной культурной политики : Указ Президента Российской Федерации от 24.12.2014 № 808 (ред. от 25.01.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 52, ч. I, ст. 7753.
10. «Нормальная аномия» в России и современном мире : коллективная монография / [Н.Н. Зарубина и др.]. А.А. Москва : МГИМО-Университет, 2017. 281 с.
11. Круглова Л.К. Избранное. Антропологический принцип в культурологии: теория и практика. Москва : Центр гуманитарных инициатив, 2018. 448 с.
12. Астафьева О.Н. Концептуализация и согласование конкурирующих дискурсов: теория культурной политики // Обсерватория культуры. 2021. Т. 18, № 6. С. 574–585. DOI: 10.25281/2072-3156-2021-18-6-574-585.
13. Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения : Указ Президента Российской Федерации от 08.05.2024 № 314 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 20, ст. 2587.
14. Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Сочинения в 6 т. Москва : Мысль, 1966. Т. 6. С. 5–23.
15. Кант И. Критика способности суждения // Сочинения в 6 т. Москва : Мысль, 1966. Т. 5. С. 161–529.
16. Маслоу А. Мотивация и личность / пер. с англ. Т. Гутман, Н. Мухина. 3-е изд. Санкт-Петербург : Питер, 2019. 352 с.
17. Кант И. Метафизика нравов // Сочинения в 6 т. Москва : Мысль, 1966. Т. 4, ч. 2. 478 с.
18. Астафьева О.Н. Модели и дискурсы современной культурной политики: культурологическое осмысление // Культурное наследие – от прошлого к будущему : научное издание. Москва ; Санкт-Петербург : Институт наследия, 2022. С. 303–328.
19. Малыгина И.В. Идентичность в пространстве пост-культуры // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. № 13 (829). С. 173–185.
20. Павлов А.В. Постмодернизм: как социальная и культурная теории объясняют наше время. Москва : Дело, 2023. 584 с.
21. Аронсон О.В. Кант и кино // Эстетика на переломе культурных традиций. Москва, 2002. С. 148–169.
22. Хренов Н.А. Искусство в ситуации культурологического поворота: методологические поиски : монография. Москва : Канон+ РООИ Реабилитация, 2024. 624 с.
23. Ильин В.В. Теория познания. Философия как оправдание абсолютов. В поисках *causa finalis* : монография. Москва : Проспект, 2016. 272 с.
24. Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 11.09.2024 № 2501-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 38, ст. 5715.
25. Бажанов В.А., Конопкин А.М. Человек как открытое многообразие (размышление над книгой «Человек как открытая целостность») // Вопросы философии. 2024. № 1. С. 58–66. DOI: 10.21146/0042-8744-2024-1-58-66.

Reception of the Ideas of Philosophical Anthropology by I. Kant in the Context of the Discourse of the State Cultural Policy of Russia

Olga N. Astafyeva ^{1a}, Irina V. Malygina ^{2b}

¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 82 Vernadsky Av., 1 bld., Moscow, 119571, Russia

² Moscow State Linguistic University, 38 Ostozhenka Str., 1 bld, Moscow, 119034, Russia

^a ORCID 0000-0001-8727-6322; SPIN 2917-4546; astafeva-on@ranepa.ru,

^b ORCID 0000-0002-2145-7953; SPIN 1436-0659; world-culture@linguanet.ru

Abstract. In the year of the 300th anniversary of the birth of I. Kant, the authors of the article turn to some basic pro-

visions of the philosophical anthropology of the German thinker in connection with the social demand for the development of a consistent state cultural policy in Russia, focused, on the one hand, on creating conditions for the self-determination of the individual, the realization of his creative freedom, and, on the other, on strengthening social solidarity and actualizing the consolidating potential of the cultural core of Russian culture. The text problematizes, from the point of view of the modern cultural situation, the idea of man as the starting and ending “point” of goal-setting for individual and social action; the Kantian interpretation of freedom and its boundaries, the social nature of the “self-concept” are actualized. Analyzing the possibilities of adapting the Kantian method and its anthropological attitudes to the modern discourse of state cultural policy, the authors of the article focus on the conceptual rigor of I. Kant’s philosophy. Terminological certainty, according to the authors, is an important task not only of scientific discourse. It is no less important in the development of official state documents. The changes taking place in modern culture

require the “tuning” of conceptual tools and the creation of explanatory models adequate to the observed cultural changes. The pragmatic meaning of clarifying scientific terminology at the level of the official discourse of state cultural policy lies, in particular, in the ability to take into account and differentiate two important vectors of human self-determination and self-realization in modern culture. On the one hand, this is the process of forming a common civil identity based on conventional cultural values, and on the other hand, the constantly multiplying practices of individual self-presentation, various forms of identity simulation, imitation and mystification.

Key words: I. Kant, philosophical anthropology, culture, cultural policy, identity, freedom, responsibility, value, creativity.

Citation: Astafyeva O.N., Malygina I.V. Reception of the Ideas of Philosophical Anthropology by I. Kant in the Context of the Discourse of the State Cultural Policy of Russia, *Observatory of Culture*, 2024, vol. 21, no. 6, pp. 564–574. DOI: 10.25281/2072-3156-2024-21-6-564-574.

References

1. Malygina I.V. (ed.) *Nesvoevremennost' filosofii?: materialy Mezhdunarodnogo kruglogo stola v ramkakh Goda kul'tury v Rossiiskoi Federatsii* (Moskva, 28 marta 2014 g.) [The Untimeliness of Philosophy? Proceedings of the Interregional Round Table Within the Year of Culture in the Russian Federation (Moscow, March 28, 2014)]. Moscow, Moskovskii Gosudarstvennyi Institut Kul'tury Publ., 2015, 152 p.
2. Rozov N.S. “Autumn” and Future “Spring” of Epistemology: Prospects of Nomological Synthesis in Social Sciences, *Ehpistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology & Philosophy of Science], 2007, vol. 12, no. 2, pp. 91–106 (in Russ.).
3. Pelipenko A.A. Meeting the Twilight of Philosophy, *Nesvoevremennost' filosofii?: materialy Mezhdunarodnogo kruglogo stola v ramkakh Goda kul'tury v Rossiiskoi Federatsii* (Moskva, 28 marta 2014 g.) [The Untimeliness of Philosophy? Proceedings of the Interregional Round Table Within the Year of Culture in the Russian Federation (Moscow, March 28, 2014)]. Moscow, Moskovskii Gosudarstvennyi Institut Kul'tury Publ., 2015, pp. 70–74 (in Russ.).
4. Husserl E. The Crisis of European Humanity and Philosophy, *Kul'turologiya. XX vek: antologiya* [Cultural Studies. The 20th Century: anthology]. Moscow, Yurist Publ., 1995, pp. 297–330 (in Russ.).
5. Mamardashvili M.K. *Soznanie i tsivilizatsiya* [Consciousness and Civilization]. St. Petersburg, Azbuka-Attikus Publ., 2011, 288 p.
6. On Approval of the Fundamentals of State Policy to Preserve and Strengthen Traditional Russian Spiritual and Moral Values: Decree of the President of the Russian Federation of November 9, 2022, no. 809, *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collected Legislation of the Russian Federation], 2022, no. 46, art. 7977 (in Russ.).
7. Malygina I.V. The Phenomenon of Identity in the Context of Historical and Cultural Dynamics, *Mezhdunarodnyi zhurnal issledovanii kul'tury* [International Journal of Cultural Research], 2023, no. 2 (51), pp. 44–55. DOI: 10.52173/2079-1100_2023_2_44 (in Russ.).
8. Kant I. Anthropology from a Pragmatic Point of View, *Sochineniya v 6 t.* [Works in 6 volumes]. Moscow, Mysl' Publ., 1966, vol. 6, pp. 349–587 (in Russ.).
9. On Approval of the Fundamentals of the State Cultural Policy: Decree of the President of the Russian Federation of December 24, 2014, no. 808 (ed. of January 25, 2023), *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collected Legislation of the Russian Federation], 2014, no. 52, part. I, art. 7753 (in Russ.).
10. Zarubina N.N. et.al. *“Normal'naya anomiya” v Rossii i sovremenном mire: kollektivnaya monografiya* [“Normal Anomie” in Russia and the Modern World: a collective monograph]. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., 2017, 281 p.
11. Kruglova L.K. *Izbrannoe. Antropologicheskii printsip v kul'turologii: teoriya i praktika* [Selected. Anthropological Principle in Cultural Studies: Theory and Practice]. Moscow, Tsentr Gumanitarnykh Initiativ Publ., 2018, 448 p.
12. Astafyeva O.N. Conceptualization and Coordination of Competing Discourses: The Theory of Cultural Policy, *Observatoriya kul'tury* [Observatory of Culture], 2021, vol. 18, no. 6, pp. 574 – 585. DOI: 10.25281/2072-3156-2021-18-6-574-585 (in Russ.).
13. On Approval of the Fundamentals of State Policy of the Russian Federation in the Field of Historical Education: Decree of the President of the Russian Federation of May 8, 2024, no 314, *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collected Legislation of the Russian Federation], 2024, no. 20, art. 2587 (in Russ.).
14. Kant I. Idea for a Universal History with a Cosmopolitan Purpose, *Sochineniya v 6 t.* [Works in 6 volumes]. Moscow, Mysl' Publ., 1966, vol. 6, pp. 5–23 (in Russ.).
15. Kant I. Critique of the Power of Judgment, *Sochineniya v 6 t.* [Works in 6 volumes]. Moscow, Mysl' Publ., 1966, vol. 5, pp. 161–529 (in Russ.).
16. Maslow A. *Motivation and Personality*. St. Petersburg, Piter Publ., 2019, 352 p. (in Russ.).
17. Kant I. Metaphysics of Morals, *Sochineniya v 6 t.* [Works in 6 volumes]. Moscow, Mysl' Publ., 1966, vol. 4, part. 2, 478 p.
18. Astafyeva O.N. Models and Discourses of Modern Cultural Policy: Cultural Comprehension, *Kul'turnoe nasledie – ot proshloga k budushchemu* [Cultural Heritage – from the Past to the Future]. Moscow, St. Petersburg, Institut Naslediya Publ., 2022, pp. 303–328 (in Russ.).
19. Malygina I.V. Identity in the Space of Post-Culture, *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo uni-*

versiteta. *Gumanitarnye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities], 2019, no. 13 (829), pp. 173–185 (in Russ.).

20. Pavlov A.V. *Postmodernizm: kak sotsial'naya i kul'turnaya teorii ob'yasnyayut nashe vremya* [Postmodernism: How Social and Cultural Theories Explain Our Time]. Moscow, Delo Publ., 2023, 584 p.

21. Aronson O.V. Kant and Cinema, *Ehstetika na perelome kul'turnykh traditsii* [Aesthetics at the Turning Point of Cultural Traditions]. Moscow, 2002, pp. 148–169 (in Russ.).

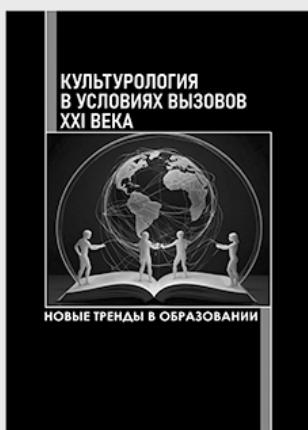
22. Khrenov N.A. *Iskusstvo v situatsii kul'turologicheskogo poverota: metodologicheskie poiski: monografija* [Art in the Situation of Cultural Turn: Methodological Search: monograph]. Moscow, Kanon+ ROOI Reabilitatsiya Publ., 2024, 624 p.

23. Ilyin V.V. *Teoriya poznaniya. Filosofiya kak opravdanie absolyutov. V poiskakh causa finalis: monografiya* [Theory of Cognition. Philosophy as Justification of Absolutes. In Search of Causa Finalis: monograph]. Moscow, Prospekt Publ., 2016, 272 p.

24. On Approval of the Strategy of the State Cultural Policy for the Period up to 2030: Order of the Government of the Russian Federation of September 11, 2024, no 2501-р, *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collected Legislation of the Russian Federation], 2024, no. 38, art. 5715 (in Russ.).

25. Bazhanov V.A., The Human as an Open Manifold (Reflection on the Book Man as an Open Integrity), *Voprosy filosofii*, 2024, no. 1, pp. 58–66. DOI: 10.21146/0042-8744-2024-1-58-66 (in Russ.).

НОВИНКА

Культурология в условиях вызовов XXI века: новые тренды в образовании : монография / О.Н. Астафьева, Н.Б. Кириллова, О.В. Шлыкова [и др.]; научный редактор Н.Б. Кириллова ; Министерство науки и образования Российской Федерации, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2024. 242 с.

В коллективной монографии рассматриваются теоретические и прикладные аспекты культурологии как науки и учебной дисциплины в системе общих проблем гуманитарного знания. Глобализация и цифровизация как главные вызовы XXI в. трансформировали всю систему высшего образования, способствуя появлению в его структуре новых направлений, которые влияют на его аксиологическую, онтологическую, мировоззренческую функции.

В книге три раздела, каждый из которых дополняет и логично продолжает предыдущий. В первом разделе рассматриваются векторы культурологического образования в эпоху глобальных трансформаций. Осмысление новых подходов к вопросам культурной политики современной России (О.Н. Астафьева) позволяет выявить динамику культурологического образования через анализ его аксиологической и мировоззренческой функций (О.В. Шлыкова), а также проблемное поле современного культурологического знания (Н.Б. Кириллова). Особое место в первом разделе занимают вопросы сохранения культурно-исторической памяти в контексте изучения memory studies (Н.Г. Федотова) и роль народной художественной культуры в системе современного образования и воспитания (С.А. Ситникова).

Во втором разделе в центре внимания исследователей – вопросы изучения искусства и новых цифровых технологий в системе современного гуманитарного образования в вузе.

Объект исследования в третьем разделе – социальные практики в культурологическом измерении. Здесь рассматриваются реалии жизни современного музея как фактора сохранения культурной памяти и новой модели коммуникации (П.А. Ляпушкина, Н.Б. Кириллова), презентация археологического наследия в общественном сознании на примере культурного памятника III–II тысячелетий до н. э. Аркаим (Л.Б. Зубанова), региональная культура в контексте сохранения историко-культурного наследия и развития позитивной гражданской идентичности (И.Я. Мурзина), роль традиционного народного искусства и способы его продвижения (Л.В. Резанов).